

СЛОМАННЫЙ
РЫЦАРЬ

АДАМ А.

Адам А.

Сломанный Рыцарь

«Автор»

2026

А. А.

Сломанный Рыцарь / А. А. — «Автор», 2026

Его вырастили в лаборатории. Ему дали обозначение. Икс-ноль-один-один. Он не знает, что имя может быть не просто обозначением. Что его можно произнести ласково. Зато он знает другое: когда называют его обозначение, ему приказывают. Поднять руку. Смотреть на свет. Не сопротивляться фиксаторам. С каждым годом его тело выдерживает больше. Психика — нет. Научный руководитель объекта, доктор Адриан Марш, находит решение. Нужен стабилизирующий фактор. Лицо и голос, которые смогут успокоить прототип. Его дочь. Светловолосая девочка, выросшая на том же закрытом объекте. Её настоящий мир — не здесь. Её настоящий мир бережно соткан из тысяч прочитанных книг. Из историй, которые живут внутри неё. Марш не спрашивает себя, вправе ли он связать этих двоих. Нет. Его интересует другое: Сработает ли. Но что будет, если она вдохнёт в него жизнь, и человек, выведенный подчиняться, впервые захочет чего-то сам? А когда они подрастут? Есть ли у них будущее? Такой графы протокол не предусматривал.

© А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13

Адам А. Сломанный Рыцарь

Глава 1

Для руководителя целого лабораторного объекта этот кабинет выглядел на удивление скромным: широкий стол, два стула да шкаф у стены. Ничего лишнего.

Адриан Марш сидел за рабочим столом, оперев подбородок на сцепленные пальцы, и смотрел видеозапись. Звук был выключен и тишину нарушал лишь ровный гул вентиляции.

Марш всегда любил начинать просмотр именно так: сначала видео, потом аудио, а затем уже и сам отчёт.

Время от времени он слегка прищуривался, как бывало всегда, когда у него что-то не сходилось.

В левом верхнем углу экрана монитора отображалась служебная маркировка.

READAPTIVE TESTING SECTOR

ПОМЕЩЕНИЕ: ПРОЦЕДУРНАЯ КОМНАТА R-1

ПРОТОТИП: RAY-X011

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ: 12 ЛЕТ

ПРОТОКОЛ: ПЕРВИЧНАЯ БОЛЕВАЯ НАГРУЗКА НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ

Запись шла десятую минуту.

На ней прототип сидел в испытательном кресле с фиксаторами. Руки его лежали на подлокотниках, а серые ремни стягивали запястья так, чтобы непроизвольное движение не могло нарушить работу датчиков. Само же кресло было рассчитано на взрослое тело. И хотя подлокотники перенастроили, а нижний фиксатор сдвинули, он всё равно казался в нём слишком маленьким.

Левую кисть прототип попытался развернуть к себе, но ремень не дал сделать ему это до конца. Его ладонь так и застыла под углом, пальцы были согнуты. Он смотрел на них не отрывая взгляд.

Под ремнём не было крови. Не было повреждения. Не было ничего, что объясняло бы этот пристальный взгляд.

В правой части экрана двигались тонкие линии: пульс, дыхание, температурная реакция кожи. Ни один из показателей не выбивался из нормы.

Нарушений протокола не было.

Марш остановил запись. Кадр замер.

Он отмотал запись на несколько секунд назад и включил звук.

В кабинете тут же раздался монотонный сигнал приборов. Следом прозвучал голос за кадром:

— Оценка боли по шкале от одного до десяти.

Прототип не ответил.

На самом экране почти ничего не изменилось. Только пальцы на его левой руке едва заметно дрогнули.

— Икс-ноль-один-один. Оценка боли.

Пауза затянулась.

— Четыре.

Марш снова остановил запись.

Несколько секунд он изучал застывший кадр, после чего перевёл взгляд на открытый рядом отчёт.

В заключении стояло:

РЕАКЦИЯ НА БОЛЕВОЙ СТИМУЛ: В ПРЕДЕЛАХ ВОЗРАСТНОЙ НОРМЫ
ПЕРВИЧНАЯ БОЛЕВАЯ НАГРУЗКА НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ: ВЫДЕРЖАНА
СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА БОЛИ: НЕЗНАЧИТЕЛЬНО ВЫШЕ ОЖИДАЕМОЙ
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ: НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ

Марш перечитал последнюю строку и вернул взгляд к кадру.

В дверь постучали.

– Войдите.

– Доктор Марш, я по поводу своих наблюдений по прошедшему протоколу.

– Слушаю.

Это был голос с записи, которую он только что изучал.

Когда Марш поднял взгляд, Лидия Карвер уже стояла прямо перед ним. Он совершенно не заметил, как она пересекла кабинет. Тёмные волосы коротко подстрижены, белый халат застёгнут под самое горло. В правой руке она держала планшет, развёрнутый экраном к себе.

– По всем основным показателям оценка положительная. Первичную нагрузку начального уровня прототип перенёс спокойно. Единственное замеченное отклонение – ответ был дан только после повторного запроса. Оценка боли незначительно выше ожидаемой. Оба пункта внесены в заключение.

– Внесены. Как несущественные.

– Да.

– Физиологические показатели соответствовали более низкой оценке, — сказал Марш.

— Два. Максимум три.

— Он дал четыре.

— Именно.

— Расхождение незначительное.

Марш молча повернул монитор к ней.

— А это?

Карвер перевела взгляд на экран монитора.

— Зрительная фиксация.

— Почему её нет в отчёте?

— Я не стала выносить это в итоговое заключение. Посчитала незначительным.

— Вы разделили всё это на отдельные пункты, — нахмурился Марш. — Задержка ответа.

Оценка боли выше ожидаемой. Зрительная фиксация.

— Потому что они не выходят за допустимые пределы.

— По отдельности не выходят. А вместе?

Карвер задержала взгляд на экране монитора чуть дольше обычного.

— В совокупности это может указывать на начало поведенческого замыкания у прототипа.

— Значит, так и пишите в заключении.

Она опустила взгляд к планшету.

— Как риск поведенческого замыкания?

— Да.

Карвер быстро сделала себе пометку.

— Я подготовлю вам исправленное заключение, — ответила она.

— И поведенческие отчёты за последние шесть недель.

— Поняла.

Дверь за ней закрылась почти беззвучно, и Марш остался один.

Он развернул монитор к себе. На экране одиннадцатый всё так же сидел в кресле.

Марш уже видел подобное. У девятого наблюдалась такая же зрительная фиксация — только на угол металлического стола в комнате содержания. При этом все его показатели тоже находились в пределах нормы, поведение было стабильным. Даже сам Марш обратил внимание на эту странность лишь спустя полтора месяца, когда девятый был уже безвозвратно утерян для программы.

Марш закрыл запись. Закрыл заключение. Затем открыл архив поведенческих наблюдений. Шесть недель. Сорок два дня. Двенадцать видеозаписей.

Он включил первую. На ней прототип сидел на кровати. Спина прямая, руки на коленях. Дверь открылась. Вошёл сотрудник сектора.

— Встать.

Прототип встал.

— Икс-ноль-один-один. Следовать за мной.

Прототип двинулся следом.

Марш переключил запись. Следующая неделя. Тот же ракурс, та же камера, та же кровать у стены.

Дверь снова открылась.

— Встать.

Прототип поднял голову не сразу.

Пауза длилась меньше двух секунд, но Марш остановил запись и поставил отметку.

Включил следующую.

Третья неделя.

— Встать.

Прототип сидел на кровати, глядя в пол.

— Икс-ноль-один-один. Встать.

Только после повторного приказа прототип поднялся.

Марш сделал ещё одну отметку.

Четвёртая неделя.

Прототип не спал. Сидел на краю кровати, а его руки безвольно свисали между коленей.

Свет в комнате был приглушён до ночного режима.

В углу экрана менялось время: 02:14. 02:38. 03:07.

Марш ускорил запись и ночь промелькнула за несколько секунд.

Прототип так и не лёг спать.

Утром дверь снова открылась.

— Встать.

Прототип не реагировал.

— Икс-ноль-один-один. Встать.

Прототип поднялся. Так же послушно, как и раньше.

Марш отмотал запись и пересмотрел фрагмент. Затем свернул видео и открыл поведенческую сводку.

ГОЛОСОВАЯ КОМАНДА: ВЫПОЛНЕНИЕ СОХРАНЕНО

ВИЗУАЛЬНЫЙ СТИМУЛ: РЕАКЦИЯ СНИЖЕНА

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТАКТ: НЕ ПРИМЕНЯЛСЯ

Марш задержал взгляд на последней строке.

В коридоре слышались быстрые, неровные шаги, затем чьи-то подошвы громко скрипнули по покрытию пола и следом прозвучал холодный голос Карвер:

— Я же просила тебя не бегать по рабочему коридору.

— Ой! Извините, мисс Карвер, — раздался в ответ звонкий голос, — Я просто торопилась.

Марш задумчиво перевёл взгляд с экрана на закрытую дверь, а затем снова на монитор. В таблице перед ним всё ещё горела строка:

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТАКТ: НЕ ПРИМЕНЯЛСЯ

Тем временем за дверью принялись что-то торопливо объяснять Карвер, всё ещё настойчиво пытаясь её в чём-то убедить. Следом из коридора донёсся неловкий смех.

Марш вновь поднял взгляд на дверь.

— Карвер.

Шум за дверью мгновенно стих.

— Да, доктор Марш?

— Пусть она войдёт.

Глава 2

22 месяца назад.

Ряд тусклых ламп под потолком, голый бетон стен да ворота для въезда.

На схемах объекта это помещение верхнего уровня носил громкое название: «Ангар снабжения».

— Адриан, везут уже одиннадцатого на моей памяти, — нарушил тишину доктор Лоуренс Вейл. Голос у него был весьма уставший. — Неужели до них там никак не доходит, что всё это бесполезно? Что исход всегда один. Прототип либо ломается, либо ломает себя сам.

Марш едва заметно поморщился, глядя на закрытые ворота. Это панибратство резануло слух. Он терпеть не мог фамильярности, но в случае с Вейлом приходилось закрывать на неё глаза. Во-первых, старик был критически важен для текущих расчётов, а во-вторых — именно Вейл стоял во главе этого лабораторного объекта до того, как сверху спустили приказ о переводе Марша.

— Доктор Вейл, — Марш сделал лёгкий акцент на обращении, не поворачивая к нему головы. — Вы снова за своё. Помнится мне, девятый находился в работе около трёх лет.

— Ага. Находился. Пока не сломал себя сам, — выдохнул Вейл.

— Верно, — кивнул головой Марш и наконец повернулся к собеседнику. На его лице скользнула снисходительная улыбка. — Но напомните мне, какой срок выживаемости прототипа считался максимальным до моего назначения?

— Год. Вот максимальный срок, — Вейл поджал губы.

— Именно, — Марш отвёл взгляд от Вейла. Транспорт должен был прибыть с минуты на минуту.

Он терпеть не мог ожидания: оно всегда оставляло лазейки для мыслей, не имеющих никакого отношения к делу.

Марш невольно вспомнил своё предыдущее место работы. Тот лабораторный комплекс, пусть и закрытого типа, располагался прямо в черте мегаполиса. Там они пытались создать идеально послушных служебных животных с впечатляющими физическими и умственными способностями. Корректировали их поведение и снимали показатели с успешно выведенных образцов.

Там он и познакомился с ней.

В ангаре стояла невыносимая духота. Горячий воздух с улицы просачивался через щель под воротами, и рубашка неприятно липла к спине.

Зной. Точно такой же, как тогда.

Память Марша услужливо распахнулась, окатив его бескрайним горизонтом моря, горячим песком под ногами и выгоревшими на солнце светлыми волосами.

В голове на мгновение зазвучал её смех.

Хватит.

Марш коротко втянул воздух и заставил себя вернуться взглядом к воротам.

Но было поздно. Память уже тащила его дальше. Тащила туда, куда он запретил себе возвращаться.

Несчастный случай на объекте. Нелепая, глупая человеческая ошибка. Чужая, не его.

Ошибка, стоившая нескольких жизней. Жизней, среди которых... была и она.

Элина.

Марш тогда сделал всё, что мог: остановил цепную реакцию, вытащил тех, кого успел.

И с того дня он навсегда вычеркнул из работы человеческий фактор. Наверху его хладнокровие заметили и оценили. В тридцать пять лет, немислимо рано для учёного, ему пред-

ложили возглавить секретный лабораторный объект высшего допуска. И Марш согласился не раздумывая.

Согласился не ради статуса. Согласился ради побега. Прочь из этого города. Города, где каждое место напоминало о ней. Где ему везде мерещился её силуэт.

Ему была нужна именно эта глушь: несколько мёртвых бетонных коробок посреди выжженных солнцем холмов. Здесь, сам того не ожидая, он и нашёл покой. Но перед тем как дать своё согласие, Марш поставил условие.

В голове зазвучал её голос.

— *Ну почему нет, Адри? Ты только послушай, что оно значит. Желанная жизнь. Эвелин.*

— *Потому что я так сказал. Мне не нравится. Моя дочь никогда не будет носить такое глупое имя.*

В ответ она лишь легко рассмеялась.

И условие у Марша было только одно.

Его дочь поедет с ним.

Эвелин.

Те же пшеничные пряди, словно сотканые из солнечных лучей, как говорила Элина. Те же ярко-голубые глаза.

Наверху Маршу пытались навязать элитный интернат. Твердили, что там девочка ни в чём не будет нуждаться, что о ней позаботятся. Но Марш был непреклонен: она едет с ним. И они сдались.

Долгий перелёт, затем несколько часов глухой тряски от ближайшего населённого пункта — и вот они здесь. Тогда, в самый первый раз, Эвелин сидела рядом с ним на жёстком сиденье. Совсем ещё крошечная. Он вёз её в неизвестность, в это бетонное пекло и тишину. Марш прекрасно знал, что обрекает её на изоляцию. Знал — но всё равно не мог иначе. Ведь это неугомонное дитя — всё, что у него осталось от неё.

С оглушительным металлическим скрежетом створки ворот поползли вверх, выдернув Марша из прошлого. Он почти с благодарностью встретил этот звук и только сейчас осознал, насколько сильно у него сжаты кулаки. Марш медленно расслабил пальцы.

Тяжело перевалившись через порог, в бетонный бокс вкатился чёрный, покрытый серой пылью фургон с глухим кузовом. Заскрипели тормоза. Боковая дверь открылась, и наружу легко спрыгнул худой невысокий человек. В своей светлой походной одежде он выглядел слегка нелепо — словно турист на сафари.

Это был доктор Конрад Венн.

Марш не знал его точной должности, но был уверен в одном: лаборатория Венна стояла в самом начале цепочки. Именно там создавали и бережно растили генетически модифицированные организмы. Растили, чтобы потом отправить сюда, к Маршу.

И весь этот процесс был лишь видимой частью механизма, о реальных масштабах которого он мог только догадываться.

— А я уж надеялся, что они одумались и решили всё отменить, — проворчал Вейл, глядя на фургон.

Венн направился к ним, как и всегда, излучая радушие.

— Доктор Марш! — Протянув сухую руку, он энергично её потряс, после чего отвесил скупой, формальный кивок Вейлу. Тот ответил точно так же. Взаимное презрение между ними было таким же плотным, как и жара в этом боксе.

— Позвольте переговорить с вами наедине, — голос Венна стал чуть тише, а взгляд указал в сторону от Вейла.

— Разумеется, — спокойно ответил Марш.

Они отошли, оставив Вейла стоять одного.

— Доктор Марш... Наш многоуважаемый мистер Норт в последнее время зачастил к нам с визитами. У него, видите ли, появилось ко мне слишком много вопросов.

Марш молчал, позволяя ему выговориться.

— Не думает ли он, что проблема во мне? Я передаю совершенно здоровый образец — как психически, так и физически. Мы вкладываем в него всё. Учим беспрекословному послушанию и всем навыкам, что положены человеку в его возрасте. Даже грамоте — и той обучаем мы. На нас лежит колоссальная работа. Но стоит привезти его сюда, как он тут же ломается.

— Вы сейчас пытаетесь переложить ответственность на меня? — Маршу совершенно не понравилось, куда ведёт этот разговор.

— Нет, что вы, — Венн поспешно отступил. — Я лишь пытаюсь найти между нами взаимопонимание.

— Я прекрасно вас понимаю. Но поймите и вы: Центр требует данных. А снимать их, поверьте, работа не из лёгких и не из самых приятных.

Марш немного смягчился, заметив в глазах Венна заискивание, которое совершенно не вязалось с его сухощавым, острым лицом.

— Да, да. Я всё понимаю. Но... доктор Марш, не могли бы вы немного сбавить темпы? Перед очередным... снятием данных. — Голос Венна звучал почти умоляюще. — Замерять пока только общие показатели. Никаких болевых протоколов. Дайте ему хотя бы год. Или лучше два. Организму нужно окрепнуть. Мы же растим их не для того, чтобы списать в утиль, мы растим их надолго. Чтобы однажды выпустить в мир. Полиция, спасатели, армия. Впереди годы наблюдений! Поймите, ведь вся жизнь прототипов, доктор Марш, — это лишь одна долгая череда тестов. Вплоть до самого последнего замера.

— Я сделаю всё, что в моих силах, но...

— Поверьте мне, доктор Марш. — Венн резко перебил его, отбросив остатки вежливости. — Это в ваших же интересах. Просто послушайте: если этот сломается слишком быстро, заменить его будет нечем. Следующему образцу всего семь лет. За ним растёт тот, кому нет ещё и трёх. Больше у меня никого нет. Пока они войдут в нужный возраст, пройдут годы. А что такое годы простоя, вы знаете не хуже меня. Центр ждать не станет. Программу либо свернут, либо оставят — но уже без меня. И без вас.

На последних словах Венн отвёл взгляд.

Несмотря на удушливую жару, по спине Марша скользнул холодок.

Сам Венн лично сопровождал каждую доставку. Для самого Марша эта была пятой. Четверых он уже списал. У Лоуренса Вейла до смещения их набралось шесть.

Раньше стоило одному прототипу сломаться, и Венн без задержек поставлял следующего. Промак бил лишь по личной статистике, не останавливая процесс. Теперь же конвейер встал и этот разрыв, о котором только что предупредил Венн, менял всё. Ставил перед Маршем новую задачу: сохранить этот прототип любой ценой.

— Я приму ваши слова к сведению, — не выдав ни единой эмоции, произнёс Марш.

— Искренне на это надеюсь.

Коротко кивнув Маршу, Венн развернулся и направился обратно к машине. Он заглянул в тёмный проём открытой двери и что-то вполголоса скомандовал тем, кто сидел внутри.

Из полумрака фургона аккуратно вышел опытный образец. Прототип. Темноволосый мальчик десяти лет. Следом за ним тяжело спрыгнул человек в серой форме — точно такой же, как и у службы безопасности этого лабораторного объекта. Структура, которая вежливо слушала и кивала Маршу, но приказы принимала только от Центра.

Венн, охранник и прототип стояли у открытой двери фургона, а затем Венн указал рукой на Марша и произнёс:

— Икс-ноль-один-один. Следуй за доктором Маршем.

Одиннадцатый шагнул вперёд и, ни разу не оглянувшись, направился в сторону Марша. Замерев в нескольких шагах, он поднял на него отрешённый взгляд, без всякого интереса к происходящему.

Доктор Вейл всё так же продолжал стоять поодаль, мрачно наблюдая за происходящим.

«Странно, — мелькнула мысль в голове Марша. — Венн и Вейл. Такие разные люди — и такие созвучные фамилии».

Затем Марш развернулся и зашагал к двери, ведущей в коридор верхнего уровня. Следовало отвести прототип в сектор R. Там его уже ждала доктор Карвер. И комната, в которой одиннадцатому предстояло провести долгие годы. Если, конечно, ему повезёт.

Прототип молча двинулся следом за ним.

Глава 3

— Ну миленькая... Ну откройся, ну пожалуйста... — Эвелин топталась в пустом коридоре жилого блока, уговаривая упрямую дверь. — Обещаю, что я даже хлопать тобой не буду. Честно-честно не буду.

Затем, будто проверяя, подействовали ли её слова, она дёрнула за ручку, но дверь не поддавалась.

Мгновенно забыв про все свои клятвы, Эвелин сердито шлёпнула по ней ладошкой.

— Ну и ладно. Тогда я буду жить здесь. Прямо в коридоре.

Скрестив руки на груди, она опустилась на пол и прислонилась к двери спиной, всем своим видом показывая крайнюю степень возмущения.

У Эвелин была своя личная карта допуска, но открывала она только одну дверь. Дверь в её собственную комнату. Эвелин это уже давно проверила: методично прикладывая пластик к каждой панели, до какой только могла дотянуться, но везде упрямо загорался красный огонёк отказа.

Именно эту карту она где-то и потеряла. Причём уже второй раз за месяц.

Папа честно её предупреждал: потеряешь ещё раз и будешь жить в коридоре. Что ж. Значит, так тому и быть.

От нечего делать Эвелин принялась глазами изучать коридор. Ряд одинаковых ламп в потолке. Две из них тихо жужжали и она прекрасно знала, какие именно. На полу — гладкая серая плитка, по которой так здорово было кататься в носках, за что она не раз получала нагоняй. И ряд дверей.

Комната папы. Потом — дяди Лоуренса, которого раньше она звала мистером Вейлом, но однажды он грустно ей улыбнулся и попросил звать его просто Лоуренсом, сказав, что звания «мистер» он не заслужил. И чего там заслуживать? Эвелин так и не поняла. Зато когда папа услышал это её «Лоуренс», он тут же прочитал ей долгую нотацию о правилах общения со взрослыми. Так Вейл и превратился в «дядю Лоуренса».

Следом шла дверь комнаты мисс Карвер. Будь воля Эвелин, она звала бы её не иначе как «злая ведьма Карвер». Эвелин была искренне уверена, что та её терпеть не может. И уже за дверью Карвер, в самом тупике коридора, находилась комната и самой Эвелин.

И вот возле двери своей комнаты Эвелин и сидела, сосредоточенно загибая пальцы и что-то подсчитывая в уме. Она ведь весь день носилась по этим коридорам и пришла, чтобы наконец спокойно сесть за домашнее задание. А тут такое. Но жить в коридоре, пусть даже назло этой упрямой двери, было решительно невозможно.

Придётся всё-таки идти и сознаваться. Скажет папе всё как есть: потеряла. Влетит, конечно, но это всяко лучше, чем сидеть тут.

Тяжело вздохнув, она отряхнула одежду и поднялась с пола.

И затем припустила к папиному кабинету во всю прыть.

Конечно, бегать было нельзя. Тем более здесь, где у папы и остальных были кабинеты. Но Эвелин про это как-то забыла и неслась по коридору со всех ног.

Она уже почти добежала, как ей пришлось резко затормозить. Подошвы громко и неприятно заскрипели по гладкой плитке. Ещё шаг, и она бы на полном ходу влетела в мисс Карвер.

Уж повезло так повезло.

— Я же просила тебя не бегать по рабочему коридору, — Карвер смирла её взглядом тёмных глаз.

— Ой! Извините, мисс Карвер, — выпалила Эвелин, пытаясь отдышаться. — Я просто торопилась.

— Доктор Марш сейчас занят.

— Я только на секундочку! Меня папа ждёт! — Эвелин попыталась прошмыгнуть мимо.

— Эвелин. Говорю же тебе. Доктор Марш занят, — произнесла она так, что стало ясно: дальше дороги нет.

— Я просто спрошу! — упрямо заявила Эвелин, и её голос зазвучал громче. — Он меня ждёт. Правда!

— Эвелин, не выдум... — раздражённо начала Карвер, но не договорила. Рабочий планшет вдруг выскользнул из её пальцев. Она дёрнулась, пытаясь его поймать, но только смешно взмахнула руками и зашвырнула планшет ещё дальше.

Эвелин не выдержала и прыснула со смеху. Так ей и надо! Нечего было к ней придирааться.

Карвер наконец подняла свой планшет и уже набрала в грудь воздуха, чтобы как следует её отчитать, но тут из-за двери раздался папин голос.

— Карвер.

Та мгновенно вытянулась и нервно приладила волосы, словно забыв про Эвелин.

— Да, доктор Марш?

— Пусть она войдёт.

Эвелин победно дёрнула ручку и скользнула в кабинет. Закрывая за собой дверь, ей ужасно хотелось обернуться и высунуть язык. Но пришлось сдержаться.

Пройдя через комнату, Эвелин замерла у стола, за которым сидел отец.

— Ты хотела меня видеть?

— Да, но мисс Карвер сказала мне, что ты занят.

— Уже нет.

Эвелин слегка замялась под его взглядом.

— Тогда я быстро...

Он ничего не ответил, продолжая молча смотреть на неё.

Эвелин виновато потупилась и, глядя в пол, пробормотала:

— Дверь... Карта... Она потерялась. Сама.

Отец внимательно смотрел на неё, явно о чём-то задумавшись.

«Ну всё, сейчас точно прилетит», — обречённо пронеслось в голове у Эвелин. Она даже зажмурилась.

Но отец вдруг тепло улыбнулся и, выдвинув ящик стола, что-то ей протянул. Это была её карточка.

На гладком пластике синим фломастером было старательно написано: «Эвелин Марш», а сбоку красовался кривоватый цветочек. У всех взрослых на карточках были напечатаны имена и куча каких-то цифр, а у неё просто обыкновенный белый пластик. Вот Эвелин и взяла дело в свои руки.

— Карвер отдала мне её несколько часов назад. Пропуск нашли в комнате персонала, — сказал отец, слегка приподняв бровь. — Что ты вообще там забыла, Эвелин?

Она виновато прикусила губу. Ну не признаваться же папе, что недавно она прочитала толстую книжку про загадочные пирамиды и мумий и решила стать исследователем.

Дело в том, что в комнате персонала была одна крайне загадочная дверь. Массивная, стальная. Эвелин уже успела как следует её осмотреть: гладкая и холодная, без единой ручки, только тёмная прямоугольная панель сбоку. Ну чем не тайный вход в сокровищницу?

Вот Эвелин и планировала проникнуть внутрь и расхитить все сокровища. План был идеальным, но вот только карту она увлечшись процессом, умудрилась проворонить, а как именно, расхитительница и сама не понимала.

Так и не дождавшись её оправданий, отец вдруг спросил то, чего она ожидала меньше всего на свете:

— Эвелин. Хочешь побывать в секторе R?

В ответ она настороженно покачала головой, явно чуя какой-то подвох.

— Нет.

— Не хочешь? — спокойно уточнил он.

Эвелин замялась. Поковыряла пальцем нижнюю губу и сдалась:

— А можно? — с замиранием сердца спросила она.

— Сегодня можно.

Эвелин не сразу поверила, что отец говорит это всерьёз, замерла у стола, всё ещё ожидая, что он вот-вот передумает. Скажет свою обычную фразу о том, что сектор R — не место для детей.

Но отец уже вставал со своего кресла.

— Идём, — бросил он.

Эвелин поспешно закивала, боясь произнести хоть звук, чтобы случайно всё не испортить.

Отец открыл дверь кабинета и шагнул в коридор. Эвелин радостно бросилась следом, но он вдруг остановился, так что она едва не уткнулась ему в спину. И, устало вздохнув, произнёс:

— Карту свою заberi со стола.

Эвелин подбежала к столу, сгребла свою карточку и пулей вылетела за отцом. Дальше она шагала с совершенно торжествующей улыбкой. Но стоило им остановиться возле кабинета Карвер, как вся её радость мигом улетучилась.

— Лидия пойдёт с нами, — бросил отец и, коротко постучав, открыл дверь.

Карвер, сидевшая в своем кабинете, тут же подняла взгляд от планшета и, встав со стула, выпрямилась.

— Мы в сектор R. Вы идёте с нами.

— Поняла, — ответила Карвер, скользнув по Эвелин холодным взглядом, и шагнула к ним в коридор.

«Только смотри не лопни от злости», — подумала Эвелин.

Отец пошёл первым, а они молча двинулись за ним следом.

Если другие коридоры Эвелин давно облазила от и до, зная там каждую трещинку, то коридор, куда они сейчас свернули, был для неё сплошной загадкой. Ну, или почти сплошной.

Она уже пару раз пыталась провести здесь разведку, но её всё время ловили и отправляли обратно. Лишь однажды ей крупно повезло проскользнуть до самого конца коридора. Когда она заглянула за поворот, то обомлела: там стояла точно такая же большая железная дверь, как и в комнате персонала. Эвелин только-только успела прочитать табличку «Сектор R», как сзади выросла Карвер. Потом был позорный конвой в папин кабинет и строгий домашний арест на целую неделю. Но именно из-за той вылазки Эвелин так отчаянно и захотела обследовать дверь в комнате персонала.

Пока она об этом вспоминала, впереди показался тот самый поворот, а за ним и та самая дверь без единой ручки. Только чёрная панель сбоку да строгая надпись:

СЕКТОР R

Отец приложил карту к панели, и огонёк на ней переключился с красного на зелёный.

«Вот бы и мне такую», — с лёгкой завистью подумала она, посмотрев на разрисованный белый пластик в своих руках.

Дверь открылась не сразу. Эвелин смотрела на неё во все глаза.

Сначала громко щёлкнул один замок.

Следом второй.

И затем тяжёлая створка начала плавно отъезжать в сторону.

Не так давно Эвелин свято верила, что за этой дверью прячется книжный монстр. В одну из своих прошлых попыток пробраться сюда она даже прихватила с собой маленький канцелярский ножик, чтобы этот монстр не возомнил, будто она его боится.

И вот сейчас наконец она всё узнает. Внутри всё сжалось.

Но за дверью ничего страшного не было. Никаких тайн. Обычный серый коридор, в котором горели точно такие же лампы, как и везде.

Отец шагнул за дверь первым, Эвелин скользнула следом.

И сразу заметила разницу. Шаги здесь звучали иначе, потому что пол был металлическим. Даже стены ей показались немного темнее. А может, здесь просто горело меньше ламп.

Сам коридор оказался коротким. Они миновали поворот направо — скосив глаза, Эвелин успела разглядеть там тупик и три двери. Затем поворот налево, чуть длиннее, — и там тоже виднелись двери. Сворачивать отец не стал ни туда, ни туда. Но Эвелин успела заметить главное: ни на одной из дверей здесь не было ручек.

«Это для того, чтобы оттуда нельзя было выбраться», — догадалась Эвелин. Стало жутковато, и она поспешила прижаться поближе к отцу и Карвер.

Наконец коридор упёрся в тупик с двумя дверями — слева и справа. Отец приложил карту к левой панели, и створка отъехала в сторону почти без звука.

Карвер без колебаний вошла первой, и Эвелин мысленно даже восхитилась её отвагой, потому что самой было немного страшновато. Отец слегка придержал её за плечо на пороге.

— Сначала просто осмотришься, — сказал он, погладив её по голове. — А все вопросы задашь потом.

Эвелин молча кивнула. Показалось ей или нет, но отец будто и сам на секунду засомневался, стоит ли им вообще туда заходить.

Монстры. Определённо, там скрывались они. Она так и знала! А ведь всё детство взрослые убеждали её, что никаких монстров не существует. Что свои вещи она теряет сама, а вовсе не они их крадут. Ну и получается, нагло врал, что под её кроватью никто не живёт. Сначала говорили, что она уже большая — ей целых семь. Потом восемь. А теперь совсем взрослая, уже девять. Вот так она и сдалась, поверила им. А теперь — на тебе...

Отец попытался было пропустить её вперёд, легонько подтолкнув в спину. Но Эвелин не сдвинулась с места, лишь с тревогой подняла на него глаза. Тогда он ободряюще улыбнулся, крепко взял её за руку, и они перешагнули порог вместе.

Комната за дверью оказалась до обидного обычной. Узкая, вытянутая в длину и совершенно не страшная. Эвелин тут же накрыло очередное разочарование. Напротив двери стоял только металлический стол с выключенными мониторами. Карвер положила на него свой планшет, села и тут же застучала пальцами по клавиатуре.

В этот момент чуть правее от стола медленно поползла вверх какая-то плотная шторка. И за ней оказалось... там было...

— Это что? Окошко? — Эвелин снова посмотрела на отца.

— Можно и так сказать. Но правильнее — стекло. Наблюдательное стекло, — ответил отец и, чуть заметно улыбнувшись, подошёл к нему ближе.

И тут в её голове всё сошлось. Эвелин наконец-то поняла.

Она ведь помнила эту страшную книжку. Про девочку, к которой однажды ночью пришёл он. Монстр. Тот, кто по ночам скребётся когтями в тёмные окна.

А это стекло — вот же оно. То самое окошко!

Отец поманил её рукой, но Эвелин отчаянно замотала головой.

— Не бойся, — мягко и успокаивающе произнёс он. — Там всего лишь мальчик.

«Мальчик? Так я и поверила», — упрямо пронеслось в голове у Эвелин.

— А почему он тогда там?.. — с подозрением посмотрела она на стекло.

— Потому что он очень важен для моей работы, — совершенно серьёзно ответил отец. — Ну же, подойди.

— Может, лучше пойдём ужинать? — шагнув к отцу, предприняла она последнюю попытку улизнуть.

— Эвелин, — выдохнул он.

Пришлось подчиниться. Она нехотя подошла к стеклу, но благоразумно встала чуть позади него.

Само стекло оказалось врезано прямо в стену, как лампы в коридорах, и выглядело подозрительно толстым. Начиналось оно где-то на уровне её груди, а заканчивалось почти под самым потолком.

А за ним тоже была комната.

Эвелин робко заглянула внутрь. Сначала она заметила дверь у дальней стены и светящуюся табличку с бессмысленными буквами и цифрами. Чуть правее была какая-то перегородка, а ещё ближе стояли самые обычные стул, стол и кровать.

Она ожидала увидеть там всё что угодно, но отец не соврал: на кровати и правда сидел обычный мальчик. Примерно её возраста. Ну, может, постарше. На нём была надета серая... пижама? Сам мальчик оказался темноволосым и очень-очень бледным. А его зелёные глаза смотрели прямо на неё, не моргая.

И особого доверия этот пристальный взгляд ей не внушал, поэтому Эвелин так и осталась стоять позади отца.

— Там мальчик? — негромко спросила она.

— Да. Я же тебе говорил.

Эвелин непонимающе посмотрела на него.

— Он здесь живёт?

— Он здесь... находится.

Она снова перевела взгляд на кровать, на стол, а потом — на дверь без ручки.

— А он монстр? — спросила Эвелин уже совсем тихо.

— Нет. Эвелин, хватит. Их не существует. Ты уже взрослая, — лицо отца на секунду стало строгим.

Но, как ни странно, это её успокоило. Папа был рядом, а значит — всё под контролем. В ней тут же проснулось любопытство.

— А он нас слышит? — уже громче и смелее спросила она.

— Нет. Связь выключена.

Тем временем мальчик сидел на кровати и почти не шевелился. При этом смотрел он почему-то только на Эвелин.

— А он умеет говорить? — спросила она.

Отец посмотрел на мальчика за стеклом.

— Умеет.

— Тогда почему он молчит? Или мы его просто не слышим?

Вместо ответа отец повернулся к Карвер:

— Включите связь.

Карвер что-то нажала, и над ними щёлкнул динамик.

— Икс-ноль-один-один. Подойти ближе, — строго скомандовал отец, будто был чем-то недоволен.

Мальчик поднялся с кровати, и Эвелин смотрела, как он молча подошёл и замер в паре шагов от стекла.

Любопытство окончательно взяло над ней верх и Эвелин решительно выбравшись из-за папиной спины, подошла вплотную к стеклу.

Теперь она видела его совсем близко. А он всё молчал и не сводил с неё глаз.

— Привет, — сказала она.

В тишине комнаты это прозвучало куда громче, чем ей бы хотелось.

Мальчик почему-то промолчал. Эвелин быстро обернулась на отца и заметила, как он обменялся странным взглядом с Карвер. Она снова повернулась к стеклу. Но загадочный житель этой комнаты не двигался.

Эвелин не сдалась и повторила:

— Привет!

Вышло опять чересчур громко. Но мальчик всё так же стоял и, растерянно хлопая глазами, разглядывал её в ответ.

— Ау?! — она сложила ладошки лодочкой у губ, пытаясь до него докричаться. Совершенно без толку.

Как там говорил ей мистер Лем, когда она забывала выучить что-то и молчала? Воды в рот набрала... Вот и этот мальчик, получается, тоже набрал.

— Ну вот, Эвелин, теперь ты увидела сектор R.

Она деловито кивнула. Эта игра в молчанку ей быстро наскучила, и голос отца прозвучал как долгожданное спасение.

Эвелин тут же развернулась к двери, готовая умчаться дальше по коридорам в поисках чего-то поинтереснее.

— Эй. Не так быстро, — остановил её отец.

Карвер коротко стукнула по клавишам, и шторка на стекле начала медленно закрываться.

— Сейчас мы пойдём ужинать. А потом ты покажешь, как подготовилась к завтрашним урокам. Мистер Лем на тебя жаловался.

Вот это Эвелин не понравилось совершенно. Показать она могла разве что абсолютно пустые страницы в тетради.

«Ох и ябеда этот Лем», — с досадой подумала Эвелин.

Шторка с тихим стуком закрылась, и все трое снова вышли в коридор.

Теперь ей предстояло выкручиваться с домашним заданием. Но ничего страшного. Что-нибудь она обязательно придумает.

А по ту сторону закрытой шторки мальчик всё так же стоял посреди комнаты и не сводил взгляда с того самого стекла, за которым только что исчезла Эвелин.

Он медленно и почти беззвучно произнёс:

— Привет.